ЭТА КНИГА ПРИНАДЛЕЖИТ:

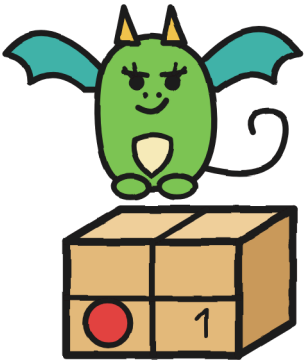
_____

И больше никому. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 1

Эта посылка кусается

Lui Eriksson



РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ 1

Эта посылка кусается

Текст и иллюстрации: Lui Eriksson

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

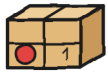
Первое издание: 2026

© 2026 Lui Eriksson · info@linguaula.com

Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

Занимайся по каждой главе на linguaula.com



ГЛАВА 1

Та, которую нельзя доставить

Эта тетрадь выпала из коробки номер 14 с переезда. На коробке было написано КУХНЯ — толстым маркером, торопливым почерком. Ни одной ложки внутри не оказалось: там лежали вот эта тетрадь, носок и резиновая лягушка, которая ничья. Я спросил у мамы. Я спросил у лягушки. Лягушку никто не требует.

А тетрадь потребовал я. На первой странице я написал название — заглавными буквами, чтобы с самого начала всё было ясно:

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК Гуни. ЛИЧНОЕ.

«Личное» значит, что я читаю это первой. —Ю.

Этой зелёной записки там не было, когда я писал «личное». Ни одной зелёной записки не было. Их вписывает Юля, которая за один-единственный день успела привыкнуть

читать мою тетрадь раньше меня, а иногда и раньше, чем я что-нибудь в ней напишу. Но это будет потом. Давайте по порядку.



Мы приехали во вторник. Сегодня суббота. Я живу в этом районе четыре дня и уже знаю целую улицу: свою. В ней шесть домов, а вокруг — сплошные вопросительные знаки.

Меня никто не спрашивал, хочу ли я переезжать. Взрослые решили всё на кухне тем голосом, каким они говорят о вещах, которые уже решены, а мама назвала это «возможностью» — так взрослые называют то, что нельзя вернуть обратно.

Больнее всего было не из-за комнаты. Больнее всего было узнать, уже в грузовике, одну вещь про самого себя, которой я раньше не знал: что я ни разу в жизни не заводил друга. Они у меня были. Это не одно и то же. В моём старом районе друзья шли с завода: их выдавали в три года на площадке, вместе с ведёрком и лопаткой, и больше ничего делать не требовалось. Как это делается, я так и не выучил. В школе учат делить десятичные дроби, а заводить друзей не учат: считается, что ты приходишь уже с ними.

Поэтому я сделал то, что делаю всегда, когда не умею чего-то делать: составил план.

Мой план, как завести друга:

1. Сказать «привет».
2. Сказать что-нибудь интересное.
3. ???

Я застрял на втором пункте. Про третий не имел ни малейшего понятия. Три дня я просидел застрявшим. Тогда я ещё не знал, что третий пункт — самый лёгкий из трёх и что он умещается в три слова.

Моя новая комната тоже не помогала. Она заставлена закрытыми коробками, и в ней нет ничего моего, так что спал я в ней так, как спят в гостинице: взаймы, с одеждой под рукой. Поэтому я и проснулся так быстро, когда что-то пролетело за моим окном сегодня утром.

Это была посылка.

Я говорю как есть, потому что так всё и было. Картонная посылка размером с коробку из-под ботинок, с красной печатью на боку, пролетела на уровне моего окна — без спешки, как тот, кто идёт по своим делам. Потом пролетела вторая. И третья. Девять посылок в ряд, как утки, перелетели улицу и одна за другой скользнули в почтовый ящик магазина напротив. (Остальные одиннадцать, как я узнал потом, вернулись, пока я спал.)

На магазине вывеска: НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ. Под ней, буквами помельче: «Доставляем то, что никто не доставляет». А ещё ниже, совсем мелко, как будто это приписали потом, подумав получше: «(Почти всегда)».

Пункт 2 у меня уже был: «Я видел летающие посылки».

Это неинтересно. Такое бывает сплошь и рядом.

Эту записку написала Юля. Я познакомился с ней сегодня же утром, в магазине напротив. Она пишет зелёным, а то, что она пишет зелёным, не стирается. Я проверял — ластиком, слюной и рукавом свитера, именно в таком порядке. Ластик стёрся. Зелёное — нет.

Я натянул полосатый свитер поверх пижамы и перешёл улицу. В пижаме, то есть. И в домашних тапочках. Бывают решения, которые тело принимает раньше, чем голова успевает узнать об этом.



Внутри пахло картоном и чем-то горелым, как после погасшей свечи. Слева стояла полка с красной табличкой ВОЗВРАЩЁННЫЕ, а на полке — двадцать посылок с номерами от 1 до 20, каждая со своей печатью. Перед полкой ведьма в фиолетовой шляпе тыкала пальцем в каждую по очереди. Рядом девочка в зелёном комбинезоне считала вслух:

— ...восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

— Все вернулись, — сказала ведьма. — Опять.

Никто не спросил, кто я такой и почему я в пижаме. Для магазина это уже странно. Но в том магазине это было далеко не самое странное за то утро.

Ведьму зовут Мара. У неё магазин невозможных доставок и печать, которая светится: когда Мара ставит оттиск, во все стороны сыплются искорки, и пахнут они этим самым горелым. Юля объяснила мне, как всё работает, в моей собственной тетради, нарисовав схему, всю в стрелках, — я пересказываю её здесь, потому что на странице она заняла бы полстраницы:

- Посылка + печать.
- Получатель расписался чернилами, которые не стираются?
- ДА: ДОСТАВЛЕНО.
- НЕТ: на рассвете посылка прилетает обратно на свою полку.

Так ни одна посылка не теряется. И не доставляется.

На полке лежат возвращённые: двадцать посылок, которые никто никогда не мог доставить. И все их шлёт один и тот же человек. На каждой этикетке, в одном и том же месте, одним и тем же мелким почерком стояло: ОТПРАВИТЕЛЬ: R.

— А кто это — R.? — спросил я.

— Кто-то с ужасным почерком, — ответила Мара.

И больше ничего. Она сказала это так, как говорят фразы, которые уже повторяли много раз: не глядя на полку, глядя в точку на стене, на которую смотреть было не на что. Юля шевельнула губами вместе с ней. Она знала ответ наизусть, и мне показалось, что ей он тоже не слишком нравится.

Мара сунула девятнадцать возвращённых в огромный мешок, из тех, что носят на плече. В эту ночь ей надо было доставить пианино на маяк, очень далеко, и заодно, раз уж она всё равно выходит, попытаться ещё раз со всеми остальными. Вернуться она собиралась на рассвете. Сказала она это без малейшей надежды, голосом человека, который поливает засохшее растение по привычке.

На полке осталась только одна. Первая в ряду. Номер 1.

— Эту нельзя, — сказала Мара, и мне показалось, что говорит она не нам. — Одно-единственное правило: НЕ ТРОГАЙТЕ ПОЛКУ.

— Конечно, — сказала Юля.

Я стоял у неё за спиной и увидел скрещённые за спиной пальцы. Я ничего не сказал. Теперь, когда я думаю об этом, это было первое, что у нас оказалось общим: секрет на две секунды, ещё до того, как мы узнали, как кого зовут.

По субботам Юля бывает в магазине. Я не спрашивал, кем она приходится Маре: племянница, помощница, наказание. Бывают вопросы, которые задают на второй день.

Теперь уже второй день. Спрашивай. —Ю.



Едва дверь закрылась, Юля оглядела меня с головы до ног. Не торопясь. Так смотрят на посылку, решая, заслуживает ли она печати.

— Ты умеешь доставлять?

Тут мне нужно быть честным, потому что эта тетрадь личная, а Юля всё равно её прочитает.

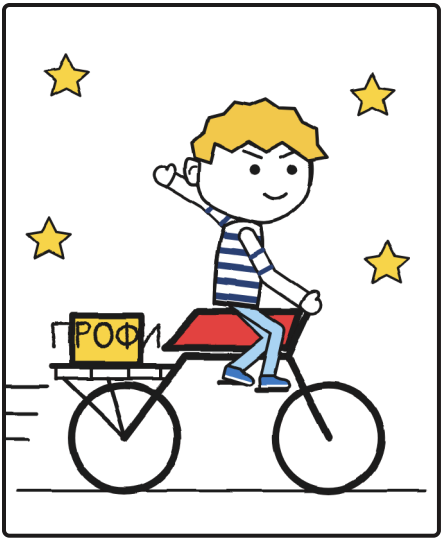
Правда в том, что за всю жизнь я доставил ровно одну вещь: газету соседа со второго этажа, в воскресенье, потому что она валялась в подъезде, и мне показалось, что здесь нужен герой. Я отдал её собаке соседа. Собака её съела. На этом моя карьера закончилась.

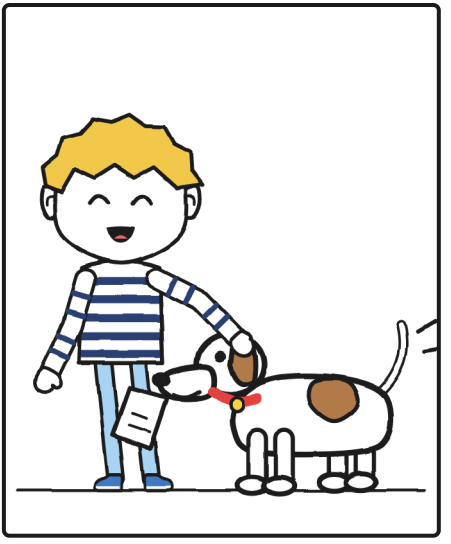
И я сказал то, что говорят, когда очень хочется завести друга:

— Да. В моём прежнем районе я был профессиональным курьером.

Профессионал по собакам.

Ложь — как посылка с поставленной печатью: вылетает очень гордо, пересекает улицу, не коснувшись земли, и в какой-то момент возвращается. Чего я тогда не знал — это когда вернётся эта и кто прочтёт её вслух.



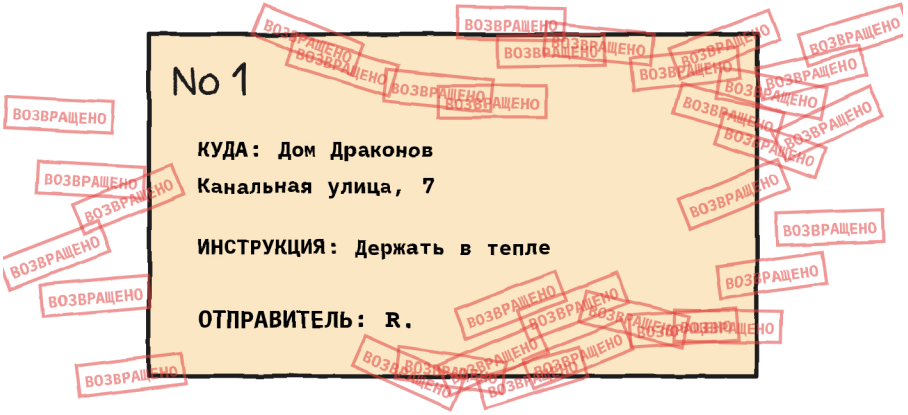


Юля не стала просить доказательств. Она прошла прямо к полке и достала единственную оставшуюся посылку: номер 1. Ту, которую нельзя. У неё немного дрожали руки, но не от страха, или не только от страха: так дрожат у того, кто столько матчей просидел на скамейке запасных, что тренер наконец назвал его фамилию. У меня руки дрожали тоже, но я скрывал это лучше: выдавало меня только то, что я надел свитер задом наперёд.

Я пересчитал печати ВОЗВРАЩЕНО. Тридцать семь. Этикетка была скорее печатью, чем этикеткой.

Под всем этим красным, на случай если кого-то интересует, было написано:

- КУДА: Дом Драконов, Канальная улица, 7.
- ИНСТРУКЦИЯ: Держать в тепле.
- ОТПРАВИТЕЛЬ: R.



— Если мы доставим её до рассвета, — сказала Юля, — Мара увидит, что я могу доставлять возвращённые.

— А если нет?

— Если нет, она вернётся сама, и ничего не было.

План показался мне очень хорошим. В нём было то, что должно быть в каждом плане: награда, если получится, и никаких последствий, если нет. Я ещё не знал, что лежит внутри.

Кто-то позвонил в велосипедный звонок. Дважды — как стучат в дверь, которая не твоя. В витрине появился мальчик в шлеме и с жёлтым рюкзаком, надпись на котором читалась даже изнутри: ДОСТАВКА «МОЛНИЯ». ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ ИЛИ БЕСПЛАТНО.

— «Невозможные доставки»? — сказал он тоном человека, который шутил эту шутку и в другие субботы. — Невозможно, чтобы вы хоть что-нибудь доставили.

Тоньо. Очень быстро доставляет очень скучные вещи.

— А вот сегодня мы доставим это, — сказала Юля и подняла посылку.

Тоньо прочитал «Дом Драконов» и расхохотался так, что с него свалился шлем. Шлем покатился к двери. Тоньо подобрал его, всё ещё смеясь, а когда выпрямился, уже не смеялся.

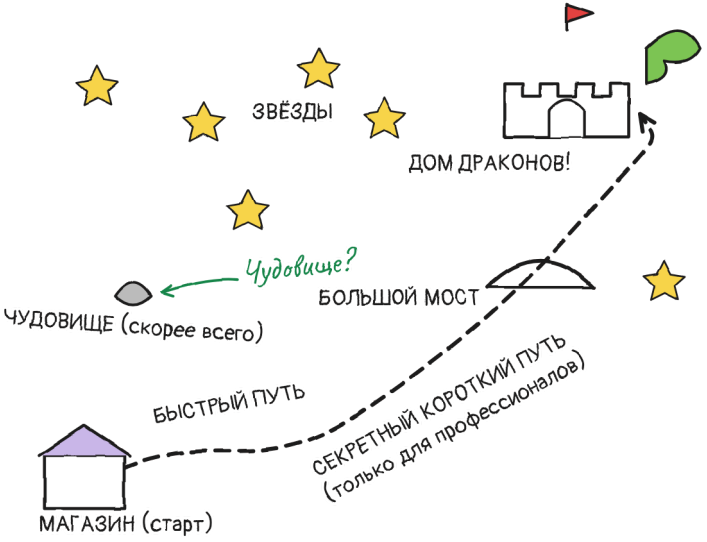
— На Канальной улице нет дома номер 7, — сказал он. — Там с 5-го сразу 9-й. Я знаю, потому что искал.

— А зачем ты его искал? — спросила Юля.

Тоньо надел шлем. Ещё раз позвонил, без всякой причины, и умчался, очень быстро крутя педали: так Тоньо поступает с вопросами, на которые не хочет отвечать. Мне досталось два факта: что он искал номер 7 и что «МОЛНИЯ» не так уж быстра во всём.



Я нарисовал план доставки. Профессиональные курьеры рисуют планы, а я, технически, сказал, что я курьер.



Звёзды не по пути.

На плане были БЫСТРЫЙ ПУТЬ, СЕКРЕТНЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ (только для профессионалов), БОЛЬШОЙ МОСТ, ЧУДОВИЩЕ (скорее всего) и шесть звёзд. У звёзд не было никакой функции. Просто мне казалось, что план без звёзд — несерьёзный план.

Чудовища на пути тоже нет. Я проверила. —Ю.

По настоящей дороге, на которой звёзд не было, мы перешли Большой мост. Днём он опущен, и по нему ходят все: велосипедисты, женщины с колясками, мужчина с уткой. Юля перешла по самой середине, быстро-быстро рассказывая мне

про печать и про чернила и ни разу не взглянув на воду. Я подумал, что это потому, что она видела её уже много раз. Из кармана её комбинезона торчали песочные часы, которые она прихватила с прилавка. Узнать по ним, сколько осталось до рассвета, нельзя; можно только смотреть, как сыплется песок, и нервничать. Я понял, что передо мной человек, который берёт на доставку песочные часы. Мне это понравилось. Я взял пижаму.

Канальная улица, 7 — это был не дом. Это была стена.

Тоньо оказался прав: с 5-го номера сразу шёл 9-й, а между ними стояла гладкая светлая стена — без дверей, без окон, без звонка. На ней была только одна вещь: совсем низко, почти у самой земли, на высоте, как раз подходящей для чего-то очень маленького, — латунная табличка с отверстием в форме лапы. Четыре маленьких углубления сверху и одно большое под ними, как будто кто-то давным-давно приложил сюда что-то, а стена запомнила форму.

— Может, это почтовый ящик, — сказал я.

Посылка не влезала. Ни боком. Ни углом.

Мы перепробовали всё, что обычно пробуют со стеной:

1. Постучать костяшками. (Ничего.)
2. Покричать. (Ничего, но громче.)

3. Заглянуть сверху. Я залез на плечи Юле, которая сильнее, чем кажется, и выглянул. По ту сторону была ЕЩЁ одна стена.
4. Сдаться. Это получилось у нас лучше всего.

С балкона на нас смотрела женщина, поливавшая герань, — с лейкой, застывшей в воздухе, и с лицом человека, который уже видел этот фильм.

— Эта посылка приходит сюда уже много лет, — сказала она. — И всегда уходит такой же, какой пришла.

Сказала она это без злости, так, как сообщают прогноз погоды. Потом продолжила поливать. В этом районе, понял я, посылка, которую нельзя доставить, была просто ещё одним погодным явлением.



Было холодно. Холодно по-осеннему, свежей осенью, когда холод забирается в рукава. Юля ещё раз прочитала этикетку, вполголоса, как будто с прошлого раза там что-то могло измениться.

— «Держать в тепле». А она столько лет лежит на ледяной полке.

Я новенький. Когда где-то написано «держать в тепле», я держу в тепле. Новенькие читают инструкции: это единственное, что у нас есть, потому что мы ещё не знаем,

какие из них можно игнорировать. Остальные так давно живут на одном месте, что уже не читают, а просто знают. А иногда то, что они знают, — неправда.

Я сунул посылку под свитер, мы снова перешли Большой мост, и я сел на решётку у пекарни Элии, откуда идёт воздух из печи. Решётка у самой земли, прижата к стене, и из неё поднимается тёплый воздух, пахнущий корочкой. Я сидел там со своей прямой спиной и с посылкой у живота, со всем достоинством, какое возможно, когда сидишь на земле, в пижаме, с коробкой под одеждой. Юля перевернула песочные часы и осталась стоять, караулить, ничего не говоря.

Ты похож на беременный почтовый ящик.

Молча, то есть вслух она ничего не сказала.

Мы просидели так довольно долго. Пахло хлебом. Я начал потеть. Чтобы не думать о поте, мы разговаривали; точнее, говорил я, а Юля отвечала ровно столько, сколько нужно.

— А почему тебе так важно доставить именно эту? — спросил я. — Есть ещё девятнадцать.

Она перевернула часы, не дожидаясь, пока песок кончится.

— Потому что считать — не то же самое, что доставлять, — сказала она. — Я уже столько суббот считаю.

Потом она спросила, какой он был, мой старый район, и я чуть не рассказал ей правду: что я не помню, чтобы делал там хоть что-нибудь, помню только, что он у меня был. Что я

такой же, как резиновая лягушка: пока без своего места. Я открыл рот, чтобы это сказать, а вышло другое — что-то про мотоцикл и медали. Она кивнула, не глядя на меня. Мне показалось, что она мне уже не верит. Ей было всё равно. И это было лучшее за всё утро.

Тут что-то легонько стукнуло меня в живот. ТУК.

— Это твой живот? — спросила Юля.

— Мой живот не делает ТУК.

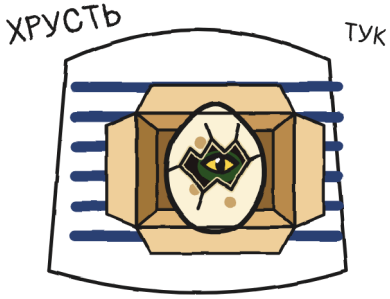
ТУК. ТУК.

Я отодвинул свитер. Под крышкой посылки было что-то круглое и бледное, в пятнах, что не было ни коробкой из-под ботинок, ни чем-либо, что продают в коробках. На нём была трещина, которая росла, пока я на неё смотрел.

ХРУСТЬ.

И посылка на меня посмотрела.

Жёлтый глаз, широко раскрытый, посреди трещины. Он не смотрел на Юлю, которая разбиралась в посылках. Он не смотрел на пекарню, на песочные часы, на небо, откуда на рассвете всё возвращается. Он смотрел на меня. И впервые за четыре дня, в этом районе домов с вопросительными знаками, кто-то, кажется, был совершенно уверен, кто я такой.



Никто не предупредил меня, что бывают доставки, в которых посылка выбирает тебя.



№ 2 · ХРУПКОЕ. НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ГРОМА.

Я прочитал дважды. Я новенький: я читаю всё. И нигде не было написано, что нельзя дождаться грома, сидя на синем табурете.

А снаружи начинался дождь.

Я посмотрела прогноз погоды. Идёт гроза. —Ю.